

РОССИЙСКИЙ
РУБЛЬ

700 лет истории

Novgorod State Museum
Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences
Russian Historical Society

THE RUSSIAN ROUBLE

700 years of the history

Proceedings of the International Conference

Velikiy Novgorod, April 25–27, 2016

Velikiy Novgorod

2017

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник

Институт археологии Российской академии наук

Российское историческое общество

РОССИЙСКИЙ РУБЛЬ

700 лет истории

Материалы Международной научной конференции

Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г.

Великий Новгород

2017

УДК 930(470)063
ББК 63.221(2)я43
Р76

Ответственный редактор:
член-корреспондент РАН *П. Г. Гайдуков*

Редакционная коллегия:
Н. В. Григорьева, В. А. Калинин, И. В. Ширяков,
И. Б. Фрейдман, Т. Н. Ярыш (отв. секретарь)

Рецензенты:
доктор исторических наук *А. В. Чернецов*
кандидат исторических наук *Н. В. Лопатин*

Российский рубль. 700 лет истории. Материалы Международной научной конференции, Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. / Отв. редактор П. Г. Гайдуков / Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород, 2017. – 168 с.: ил.

ISBN

В сборнике публикуются результаты новейших исследований по истории древнерусского денежного обращения и отечественной нумизматики периода Средневековья, Нового и Новейшего времени. Он сформирован по хронологическому принципу и охватывает нумизматические памятники и документальные источники разных эпох. В конце сборника помещены некоторые материалы проходившего в рамках конференции круглого стола «Нумизматические собрания в российских музеях: Проблемы комплектования, научной обработки и публикации».

УДК 930(470)063
ББК 63.221(2)я43
Р76

На обложке: *Рубль Петра I. 1704 г. Собрание Государственного Эрмитажа (ОН-Р-2-659)*

ISBN

© Новгородский музей-заповедник, 2017
© Авторы статей, 2017

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА № 1072 И ДЕНЕЖНО-ВЕСОВЫЕ СИСТЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА¹

Многочисленность упоминаний финансовых терминов в берестяных грамотах делает их незаменимым источником по истории денежного обращения Новгорода и средневековой Руси в целом. Возможность оценить то новое, что изучение текстов на бересте внесло в разработку этой проблематики, даёт опубликованная в 2015 г. книга Николая Павловича Бауера «История древнерусских денежных систем»². Труд Н.П. Бауера, законченный перед войной, включает в себе сумму знаний в данной области, какой она была накануне открытия, сделанного спустя 10 лет на Неревском раскопе экспедицией А.В. Арциховского. С тех пор каждый новгородский сезон приносит новые документы, содержащие денежные термины, и их совокупность представляет на сегодняшний день внушительный массив данных, позволяющих воочию наблюдать динамику эволюции новгородских финансов с XI по XV в.³

Естественно, что подавляющее большинство новых находок лишь количественно добавляет к уже известному, усиливая таким образом статистическую репрезентативность материала. На этом фоне выделяются немногочисленные документы, которые, помимо упоминаний финансовых терминов, содержат сведения, позволяющие судить о соотношении обозначаемых ими денежных единиц. Древнерусские источники крайне скупы на такого рода информацию, и каждая её новая крупница продвигает вперёд представление об устройстве денежных систем средневековой Руси. Именно такой документ представляет собой грамота № 1072, найденная 22 октября 2015 г. на Козьмодемьянском-3

раскопе в Неревском конце Новгорода (уч. 1, кв. Г-6, гл. -300 см, № 965; руководитель работ – О.М. Олейников)⁴.

Грамота происходит из напластований конца XII в., а внестратиграфически (на основе палеографических и языковых данных) датирована А.А. Зализняком 1180-ми – 1250-ми гг., с предпочтением первого 40-летия XIII в. На пересечении этих оценок датировка рубежом XII/XIII вв. выглядит наиболее вероятной.

Перед нами полностью сохранившийся финансовый документ – реестр сумм, которые выданы (или должны быть выданы [или возвращены]) разным лицам (Рис. 1).

степанова полутори илие по
ло гривны тимоши поло гри
вны полутори Олисею василю
сьмница Ушку семница вхого
.д. золотнко и дви серебра

То же, с современной пунктуацией и разделением на содержательные сегменты:

Степанова полутори, Илие поло гривны, Тимоши поло гривны, полутори Олисею.

Василю сьмница, Ушку семница.

Вхого 4 золотнко и дви серебра.

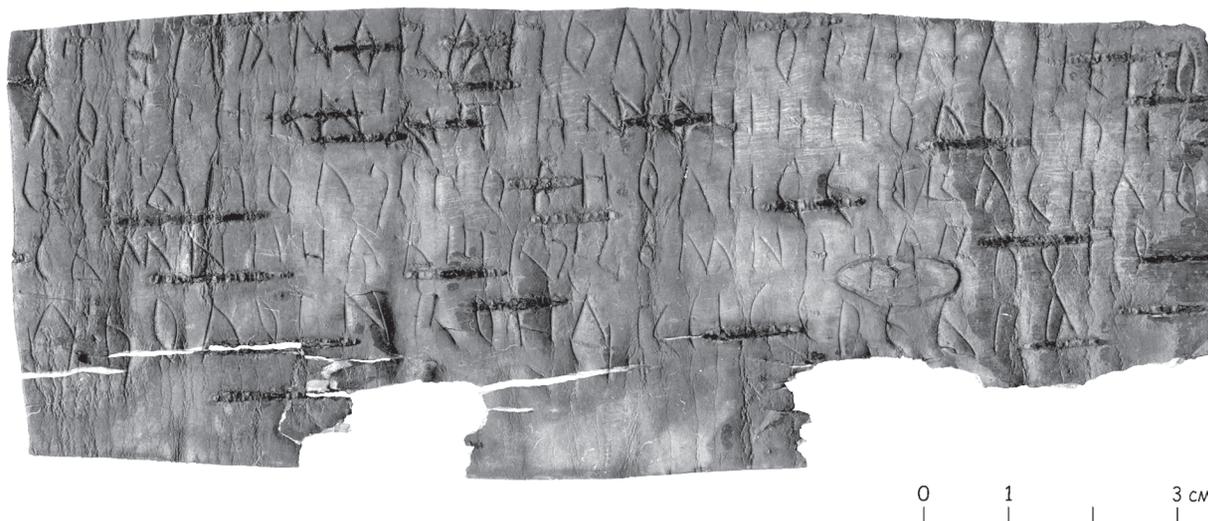
Перевод:

‘Степановы полторы [гривны], Илье полгривны, Тимошке полгривны, полторы Олисею.

Василю семница, Ушку семница.

Всего 4 [гривны] золотников и две [гривны] серебра⁵.

Рис. 1. Берестяная грамота №1072. Великий Новгород, 2015. Козьмодемьянский-3 раскоп. БГ №1072

Предложенный перевод неочевиден и требует комментария. Документ предельно лаконичен; слово *гривна*, как самоочевидное, опущено везде, кроме уже практически слившегося в единство *польгривны*. Странная на первый взгляд форма женского рода в словоформе *Степанова* в действительности совершенно правильно согласована с подразумеваемым словосочетанием *полтор<ѣ> (гривны)*⁶. Пропуск слова *гривна* имеет место и в конструкции *двѣ серебра*: форма женского рода двойственного числа *двѣ <дѣѣ>*, может относиться только к подразумеваемому *гривнѣ*, а никак не к *серебра*. По той же причине и сочетание *4 золотнко* не может означать '4 золотника': это значение было бы выражено иначе – сочетанием с формой именительного падежа множественного числа существительного: *4 золотникѣ* (с диалектной флексией [ср. именно такое написание в грамоте № 644]) или *4 золотници* (в наддиалектном оформлении). За написанием *золотнко* (= *золотник<ѣ>*, с «бытовой» графической заменой *ѣ* на *о*) может стоять форма им. падежа ед. числа или род. падежа мн. числа. В принципе, можно было бы прочесть *<четвертыи> золотникѣ*, предположив обозначение цифрой порядкового числительного, но к контексту такая интерпретация явно не подходит. Предполагать, что слово записано с ошибкой, оснований нет: в остальном текст написан безупречно, а пропуск *и* после *тн* вполне может быть сокращением, обычным для записи финансовых терминов. Остаётся одно – трактовать и это сочетание как содержащее эллипсис: *4 [гривны] золотникѣ* '4 гривны золотников'.

Особую ценность документу придаёт его двухчастная структура. Первая часть содержит перечисление сумм, отданных или подлежащих передаче поименованным лицам; вторая подводит итог. Замечательно, что этот итоговый подсчёт: 'Всего 4 [гривны] золотников и две [гривны] серебра' – содержит те же цифры, которые получаются при суммировании по отдельности перечисленных в первой части гривен ($1,5 + 0,5 + 0,5 + 1,5 = 4$) и семниц ($1 + 1$). Предельно маловероятно, чтобы это совпадение было случайным. Это ведёт к заключению, что гривны, которых в первой части грамоты насчитывается четыре, названы в этом подсчёте гривнами золотников, а семницы – гривнами серебра.

И то и другое выглядит крайне неожиданным, но при ближайшем рассмотрении эти два тождества оказываются отражающими фундаментальные особенности структуры денежной системы средневекового Новгорода. Рассмотрим их по отдельности, начав с первого.

Гривна (кун) ~ гривна золотников

За соотношением гривен золотников и гривен серебра, безусловно, не стоит противопоставление двух драгоценных металлов. В этом смысле оппозицию гривне серебра как платёжному слитку со-

ставляла хорошо известная древнерусским источникам гривна золота, а вовсе не золотников. Явно не следует также трактовать золотник в этом сочетании как золотую монету. Хотя слово в этом значении и фиксируется в древнерусских памятниках (начиная с летописных договоров Руси с Византией), для конца XII – начала XIII в. такое употребление было бы анахронизмом. Остаётся считать, что золотник выступает в данном случае в своём втором значении, как единица веса. В этом качестве он соотносим с гривной, понимаемой, однако, также в весовом, а не в денежном смысле. Позднедревнерусская «гривенка» весом в 204,75 г составляла половину фунта (409,5 г) и делилась на 48 золотников (4,26 г). Не могло ли число золотников служить и мерой серебряного эквивалента гривны как денежной единицы? Это было бы естественно, учитывая, что та же половина фунта составляла и теоретический вес древнерусской гривны серебра. Поскольку гривна «Русской Правды» была четвёртой частью последней, её серебряный эквивалент составлял 12 золотников, на что прямо указывал Н.П. Бауер⁷.

Измерение в золотниках серебряного содержания древнерусской гривны и её подразделений было в ходу у учёных XVIII–XIX вв., начиная с В.Н. Татищева, однако дававшиеся ими конкретные оценки грешили произвольностью; сомнения вызывала и правомерность экстраполяции состава позднего русского фунта в домонгольское время. Тот же Н.П. Бауер, фиксируя упоминания золотника как единицы веса лишь в текстах XIV в. и более поздних, в собственных подсчётах к нему почти не обращался. Между тем, как стало ясно после находки грамоты № 644, золотник как мера веса был известен на Руси уже в начале XII в. Грамота № 1072 показывает, что и измерение веса гривны в золотниках было вполне адекватно древнерусскому счёту.

Надо полагать, что гривны первой части грамоты – это обычные гривны кун, материально представленные в это время связками стёршихся беличьих шкур, о которых писал в известном пассаже арабский путешественник XII в. Аль-Гарнати⁸. В записи о покупке Бояновой земли из Софии Киевской эти шкурки-«ассигнации» упоминаются как «драницы»⁹, а в берестяной грамоте № 490 (сер. XIV в.) – как «шитые куны» (принимаем новейшую трактовку данного места, предложенную П.В. Петрухиным)¹⁰. Полагаем поэтому, что «гривны золотников» – это те же гривны кун, рассматриваемые, однако, с точки зрения их серебряного эквивалента и в этом качестве однородные с гривной серебра.

Сказанное не означает, что упоминаемые в грамоте гривны золотников – это гривны «Русской Правды». Если бы это было так, четыре таких гривны составляли бы гривну серебра, которую естественно было бы сложить с ещё двумя, представленными семницами, получив в итоге три гривны серебра. Поскольку этого сделано не было, следует

полагать, что имеются в виду какие-то другие, очевидно, более дешёвые гривны. Какие же именно?

Ответ на этот вопрос требует экскурса в проблему соотношения гривны и её фракций в XI–XIV вв. Общим местом в литературе о финансах Древней Руси является положение, согласно которому отношение гривны к куне 25 : 1, реконструируемое из Краткой редакции Русской Правды, сменилось в XII в. отношением 50 : 1, свойственным Пространной Правде. Поскольку стоимость гривны в обеих редакциях, как известно, одна и та же, суть реформы видится в двукратном удешевлении куны, приравняваемой в Пространной Правде к резане Краткой Правды, и, соответственно, выведении из обращения резаны как отдельной фракции гривны.

Берестяные грамоты заставили пересмотреть это устоявшееся представление. Из двух документов второй половины XII в. (№ 663)¹¹ и середины XIII в. (№ 293)¹² с полной определённой следует, что в это время гривна и куна находились между собой в Новгороде в отношении 1 : 25, свойственном Краткой Правде. О сохранении денежной системы Краткой Правды говорит и использование в одних и тех же расчётах куны и резаны, свидетельствуемое целым рядом грамот XII – начала XIV вв. Значение этих данных по достоинству оценил лишь А.П. Толочко, парадоксальным образом используя его для обоснования трактовки Краткой Правды как новгородской подделки начала XV в.¹³ Между тем, если остаться при датировке памятника (точнее – его составляющих) XI в., для чего, на наш взгляд, есть все основания, следствия будут совсем другими. Коль скоро денежная система Пространной Правды не сменила в Новгороде системы Краткой Правды, надо полагать, что она действовала где-то за его пределами, иначе говоря, что распределение двух вариантов денежного счёта было не только хронологическим, но и региональным. В самом деле, отсутствующее в Новгороде отношение гривны к куне 50 : 1 обнаруживается в уставной грамоте Смоленской епископии (1136 г.)¹⁴; оно вполне могло быть актуально и для Северо-Восточной Руси. Там, где действовало это соотношение, оно могло прийти на смену старому счёту по 25 кун в гривне. При этом, поскольку процесс инфляции, выразившийся в двукратном понижении стоимости куны в Пространной Правде, должен был носить общерусский характер, следует предполагать существование в Новгороде в XII–XIII вв. 25-кунной гривны, вдвое более лёгкой, чем синхронная ей 50-кунная гривна Пространной правды, и составлявшей не $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{8}$ от гривны серебра. Соответственно, и куна, лежавшая в основе этой гривны, составляла уже не $\frac{1}{100}$, а $\frac{1}{200}$ гривны серебра. Существование такой гривны свидетельствуется источниками в XIII в. Из сопоставления двух пассажей первой редакции Новгородской скры, датированной серединой этого столетия, следует, что «марка кун» (= гривна кун) составляла в это время $\frac{1}{2}$ фердинга (фердинг – четвертая

часть марки серебра, соответствующей гривне серебра), то есть была равна $\frac{1}{8}$ гривны серебра¹⁵. То же отношение Н.П. Бауер выводил для договора Новгорода с немцами 1259 г., а также для четвертой и пятой редакций скры, составленных во второй половине XIV в.¹⁶ Последний вывод, однако, нуждается в корректировке. Делая его, Н.П. Бауер исходил из вычисленной им величины куны (0,49 г), считая в новгородской гривне по 50 кун. Если же гривна в Новгороде в эту эпоху насчитывала, как и раньше, 25 кун, вес гривны кун в 1259 г. и во второй половине XIV в. оказывается вдвое меньшим, составляя уже $\frac{1}{16}$ гривны серебра.

Что же касается гривны в $\frac{1}{8}$ гривны серебра, то её нет оснований считать появившейся в XIII в., как это обычно делается. Хрестоматийное представление о том, что новгородская гривна кун составляла в XII в. четвертую часть гривны серебра, базируется на двух одинаково недостоверных основаниях: экстраполяции на Новгород соотношения, фиксируемого Смоленским договором 1229 г. («а за гривну серебра – по 4 гривны кунами или пенязи»)¹⁷, и вольной интерпретации данных договора Новгорода с немцами 1191 г. Упоминаемые в последнем «гривны ветхих кун» однозначно отождествляются с гривнами Краткой правды¹⁸. Нет, однако, никаких оснований противопоставлять их упоминаемым в том же договоре гривнам серебра как инновации конца XII в.: в действительности гривна серебра как эталон серебряного веса безусловно существовала уже во второй половине XI в., когда она впервые упоминается в берестяной грамоте № 915 («Взяль еси оу отрока моего Киевѣ гривнуоу серебра»)¹⁹. Противоположность «гривнам ветхих кун» договора 1191 г. могли поэтому составлять лишь прямо не упомянутые в тексте «гривны новых кун», очевидно, более дешёвые, чем гривны Краткой Правды. Но «гривны новых кун» знает уже новгородский Устав Святослава Ольговича 1137 г.²⁰ Если допустить, что «ветхими» к 1191 г. стали куны, бывшие в 1137 г. «новыми», придётся считать, что «гривны новых кун» Устава пришли на смену гривнам, более тяжёлым, чем гривны Краткой Правды, никакими источниками не засвидетельствованным. Более вероятным кажется видеть в «гривне новых кун» Устава гривну в $\frac{1}{8}$ гривны серебра, ещё в начале XII в. вытеснившую во внутренних расчётах гривну Краткой правды, при том, что последняя, как «гривна ветхих кун», могла на протяжении ещё длительного времени использоваться во внешнеторговых операциях. Время существования 25-кунной гривны в $\frac{1}{8}$ гривны серебра примерно определяется в таком случае как XII – первая половина XIII в., тогда как для второй половины XIII в. и XIV в. следует предполагать хождение вдвое более дешёвой гривны в $\frac{1}{16}$ гривны серебра. Впрочем, возможность сосуществования «старых» и «новых» кун вносит в хронологию этих стадий сильный элемент неопределённости.

Важно, что на каждой из этих трёх стадий эволюции гривны кун её серебряный эквивалент оказывается кратным золотнику, насчитывая соответственно 12, 6 и 3 золотника. Эта кратность, делавшая гривну кун легко переводимой из ассигнаций-драгидов в серебро и обратно, как раз и лежит, надо полагать, в основе именованья её «гривной золотников». Если приведённые выкладки верны, в момент написания грамоты № 1072 гривна кун составляла $\frac{1}{8}$ гривны серебра и равнялась 6 золотникам.

Два обстоятельства несколько усложняют только что описанную картину. Во-первых, можно заметить, что она картина не учитывает ещё одного соотношения гривны серебра и гривны кун, известного из статьи «А се бесчестие», встречающейся среди дополнений к Русской Правде и обычно датируемой XIII в. Это соотношение — $7\frac{1}{2}:1$ («а за гривну сребра пол осме гривне»²¹). Метрологическая природа этого соотношения убедительно объяснена А.В. Назаренко. Исследователь показал, что версия гривны из статьи о бесчестии возникла не на основе гривны Русской Правды, ориентированной на западноевропейский фунт Карла Великого весом в 409 г, но на базе другого денежного счёта, имевшего в своей основе византийскую серебряную литру (327 г), находившуюся с Карловым фунтом в отношении 4:5. Этот денежный счёт подразделял гривну не на 25 кун, из которых складывалась гривна Русской Правды, но на 40 кун. В XI в. такая «гривна-сорочок» соответствовала $\frac{1}{4}$ византийской литры и весила 81,8 г — половину южнорусской гривны серебра (163,6 г). Гривна статьи «А се бесчестие» (27,27 г) составляет от этой величины ровно третью часть. А.В. Назаренко видит в ней результат прошедшей в два этапа девальвации гривны-сорочка XI в.²²

К аргументам А.В. Назаренко, доказывающим, что южнорусская гривна в 81,8 г и возникшая на её основе гривна статьи «А се бесчестие» содержали по 40 кун, можно добавить следующее соображение. Если бы эта гривна статьи о бесчестии насчитывала 25 или 50 кун, её куна находилась бы к гривне серебра в нерациональных отношениях 1 : 187,5 или 1 : 375. При счёте же 40 кун на гривну мы получаем отношение $\frac{1}{300}$, вписывающееся в ряд, который составляют значения этого показателя для трёх засвидетельствованных источниками версий 25-кунной гривны: $\frac{1}{100}$ (гривна кун = $\frac{1}{4}$ гривны серебра), $\frac{1}{200}$ (гривна кун = $\frac{1}{8}$ гривны серебра), $\frac{1}{400}$ (гривна кун = $\frac{1}{16}$ гривны серебра). Место, которое в этом ряду занимает гривна статьи «А се бесчестие», вполне отвечает её традиционной датировке XIII в.

Но как соотносится эта гривна с исторически засвидетельствованными версиями гривны из 25 кун? Согласно А.В. Назаренко, гривна-сорочок новых кун-резан (40-кунный коррелят гривны Пространной Правды) вытеснила в Новгороде в XII в. гривну Краткой Правды из 25 кун. Как мы уже видели, берестяные грамоты думать так оснований

не дают, показывая, что и в XII, и в XIII в. новгородская гривна насчитывала 25 кун. При первом разборе грамоты № 1072 мы предположили, что гривна из 40 кун бытовала в Новгороде параллельно с 25-кунной гривной, претерпев с ней общие этапы девальвации, заключавшиеся в периодическом повышении на сотню числа кун в гривне серебра: 100 — 200 — 300 — 400²³. Такой взгляд заставляет, в частности, считать, что одновременно с гривной-сорочком статьи о бесчестии (с кунной, равной $\frac{1}{300}$ гривны серебра), в Новгороде имела хождение гривна из 25 таких же кун, составлявшая $\frac{1}{12}$ гривны серебра.

Предполагая эту параллельную эволюцию, мы исходили из того, что определение «гривна золотников» противопоставляло 25-кунную гривну именно гривне-сорочку, которая, будучи генетически не связана с фунтом, не обладала и кратностью золотнику. Однако, как мы видели, данное понятие находит объяснение и вне такого противопоставления. С другой стороны, необходимо признать, что надёжные свидетельства существования в Новгороде сорочка как формы подразделения денежной гривны отсутствуют. Сорочки, упоминаемые в берестяных грамотах и других новгородских источниках, ничто не мешает считать просто традиционной формой исчисления меховых шкурок, по умолчанию — белок, но также куниц, бобров и проч.

Можно думать, таким образом, что гривна статьи «А се бесчестие», метрологически связанная с византийской литрой и составлявшая $\frac{1}{3}$ от южнорусской гривны-сорочка XI в., для Новгорода актуальна не была. По всей вероятности, и этап девальвации куны, на котором она составляла $\frac{1}{300}$ от гривны серебра, был «пропущен» новгородской денежной системой.

Завершая разговор о «гривне золотников», нельзя обойти стороной вопрос о размере новгородского золотника, поднимавшийся Н.П. Бауером²⁴, а недавно вновь рассмотренный И. Леймусом²⁵. Измеряя в золотниках вес древнерусской гривны, мы до сих пор исходили из единицы весом 4,26 г — $\frac{1}{96}$ части позднесредневекового русского фунта. Древность этой единицы, восходящей через ряд промежуточных стадий к арабскому мискалю как 96-й части ратля, не подлежит сомнению²⁶ — так же, как и актуальность золотника для весовой системы домонгольской Руси, свидетельствуемая грамотой № 644. Однако, как заметил И. Леймус, единственное прямое свидетельство о размере «ливонского» золотника определяет его иначе. Согласно расчётной книге кеннингсбергского гротсшаффера, «один кусок серебра в Ливонии равен 60 золотникам» (*Item j stucke sylbers machet in Leyfflande lx Solynges*)²⁷. Это соотношение подтверждается показанием четвёртой и пятой редакций Новгородской скры, приравнивающим фердинг ($\frac{1}{4}$ слитка серебра) к 15 золотникам. С ним также хорошо согласуется свидетельство, извлекаемое из ганзейского

документа 1331 г., описывающего обстоятельства конфликта между немцами и русскими в Новгороде. «[П]осле драки <...> виновным назначили штрафы, выраженные в слитках серебра и золотниках (*de mitten swerden sat to 5 stucken 15 soltnicke min, de dar mit cnopelen mede waren, de worden to 2 1/2 stucke sylvers gesat 7 1/2 soltnicken min* – от тех, которые с мечами, 5 слитков без 15 золотников; от тех, которые были с дубинами – 3 слитка серебра без 7 1/2 золотников)»²⁸. Приведённые цифры не находят рационального объяснения, если считать, что в слитке серебра (в это время – рубле) было 48 золотников; между тем, при 60-золотниковом рубле 15 золотников составляют от него 1/4, а 7 1/2 – 1/8 часть.

Принимая за стандарт рубля (прямого продолжения гривны серебра) 197 г, И. Леймус высчитывает нормативный вес золотника: $197 / 60 = 3,28$ г. Он замечает: «Откуда могло исходить такое деление [рубля] – непонятно: ни в новгородской, ни в ливонской, ни в любекской денежно-весовой системе мы подходящую единицу не находим»²⁹. Вполне возможно, что золотник в 1/60 рубля был инновацией, возникшей в XIV в.³⁰ Но, даже допустив древность этой единицы, мы не придём в противоречие с изложенным пониманием «гривны золотников». Представляется, что и в таком его «неканоническом» виде золотник вполне мог выступать в качестве меры серебряного эквивалента гривны кун. Правда, целое число «малых» золотников (15) заключала в себе только гривна Русской Правды – на двух следующих этапах, при равенстве гривны кун 1/8 и 1/16 гривны серебра она насчитывала соответственно 7 1/2 и 3 3/4 золотника. Однако и кратность веса гривны четверти золотника делала его удобным средством пересчёта стоимости меховых «ассигнаций» в серебро. Характерно, что суммы, указанные в документе 1331 г. в золотниках, оказываются в переводе на гривны кун выражены целыми числами (при гривне, составляющей 1/16 гривны серебра, 15 золотников соответствуют 4 гривнам кун, а 7 1/2 – двум).

Семница ~ гривна серебра

Вторая часть «уравнения» грамоты № 1072 выглядит не менее загадочной, чем первая. В отличие от гривны золотников семница встречается в берестяных грамотах не впервые. Неизвестное из других источников, это слово было до сих пор надёжно представлено двумя берестяными документами XIII в. (№ 218 и 349) и ещё в двух (№ 219 и № 355) опознавалось предположительно; при этом прямых указаний на его значение ни один из четырёх контекстов не содержал. В.Л. Янин первоначально допускал, что этим термином «могла обозначаться ногата – седьмая часть гривны или же сама гривна из 7 ногат»³¹. Эта интерпретация основывалась на сочетании «гривна по 7 ногат», прочитанном в грамоте № 410 и трактованном как свидетельство

существования в Новгороде уже в XIII в., наряду с пятеричным, также семеричного членения гривны, фиксируемого в самом конце XIV в. в виде отношения «гривна = 7 белам = 28 кунам». Однако, как выяснилось впоследствии, такое сочетание в грамоте отсутствует: слова *по 6* (а не 7!) *ногато* относятся к стоящему за ними слову *намъ*, называя норму процента: ‘по 6 ногат’ (очевидно, на гривну). В новейшей работе В.Л. Янина и Е.А. Рыбиной семница трактуется просто как седьмая часть гривны³²; как наиболее вероятное это значение рассматривает и А.А. Зализняк³³. Оно действительно кажется вполне подходящим к контексту грамоты № 218, упоминающей *по семнице намъ* ‘процент по семнице’: размер процента 1 : 7 (14 %) выглядит вполне реалистично.

Интерпретировать сочетание *по семнице намъ*, исходя из предполагаемой грамотой № 1072 эквивалентности семницы гривне серебра, невозможно: непонятно, по отношению к какой единице ставка процента могла бы составить столь значительную сумму – как правило, она выражается в кунах, резанах или ногатах на гривну. Но столь же бесперспективной выглядит и подстановка значения ‘седьмая часть гривны’ в «уравнение» грамоты № 1072 – оно, как уже было сказано, имеет смысл лишь при допущении указанной эквивалентности.

Это противоречие можно преодолеть, предположив, что *семница* обозначает в обеих грамотах не седьмую часть (гривны), а просто число 7 в его предметном выражении, то есть своего рода «семерик». Высказав это предположение в предварительной публикации грамоты, мы сочли, что в грамоте № 218 под *семницей* имеется в виду норма 7 резан на гривну [= 50 резан], составляющая те же 14 %, что и одна седьмая гривны³⁴. Это кажется тем более вероятным, что сочетание *намъ по 7 рѣзанъ* с высокой надёжностью реконструируется А.А. Зализняком в грамоте № 293³⁵. Сохраним эту версию как рабочую, чтобы ниже к ней вернуться.

В грамоте № 1072 *семница* должна, очевидно, пониматься как семь каких-то других, значительно более крупных единиц. Поскольку этой единицей не может быть не только резана, но и куна, мы предположили в указанной публикации, что речь идёт о семи гривнах. Эквивалентность семницы гривне серебра означает в таком случае, что во время написания грамоты стоимость последней была равна стоимости семи гривен кун. Это соотношение близко к фиксируемому статьей «А се бесчестие» (1 : 7 1/2) и как будто поддерживается различием между двумя изводами Новгородской первой летописи в статье 1230 г. (в старшем изводе: *по грьвнѣ серѣбра*; в младшем: *по семи грьвень и поболши*)³⁶. На этом основании был сделан вывод, что семницами в грамоте названы суммы в 7 1/2 гривен-сорочков, отличных от 25-кунных «гривен золотников».

Эта интерпретация, как мы сейчас понимаем, была неверной. Во-первых, повторим, говорить о

существовании в Новгороде сорочка как разновидности гривны источники основания не дают: слова *сорокъ*, *сорочькъ* обозначают в новгородских текстах чисто меховые ценности — 40 шкурок пушных зверей определённого вида. Натяжкой было и допущение, что словом *семница* могли обозначаться не семь, а семь с половиной гривен. Нужно искать решение, при котором семница была бы действительно семницей.

В поисках такого решения, не порывая полностью с нашей первоначальной гипотезой, разложим её на составляющие и рассмотрим, как альтернативные, две возможности: 1) в семницы объединены гривны, не являющиеся сорочками; 2) в семницы объединены сорочки, не являющиеся гривнами.

Первая возможность предполагает, что мы имеем дело с такой стадией девальвации обычной 25-кунной гривны, на которой на гривну серебра приходилось ровно 7 гривен кун. Эта версия наталкивается на три препятствия. Во-первых, если бы дело обстояло так, гривны, образующие семницы, ничем не отличались бы от названных в первой фразе. Общий итог был бы 18 (4 + 7 + 7) гривен, и непонятно, что мешало сформулировать его таким образом. Во-вторых, на этом гипотетическом этапе девальвации куна составляла бы $\frac{1}{175}$ от гривны серебра, что выпадает из уже отмеченной закономерности, состоящей в том, что в гривне серебра всегда насчитывается число кун, кратное ста. В-третьих, такая гривна не обладала бы кратностью ни золотнику, ни его долям, и обозначение её как «гривны золотников» лишалось бы основания. Неудивительно, что никаких независимых подтверждений в источниках эта версия не находит³⁷.

Вторая возможность заключается в том, что «семница» нашей грамоты — это семь обычных меховых сорочков. Могли ли 280 беличьих шкурок стоить гривну серебра? К счастью, имеется возможность проверить это предположение. Её даёт ещё один берестяной документ — грамота № 1021, найденная на усадьбе Ж Троицкого раскопа и принадлежащая к блоку грамот Якима. Стратиграфически этот блок датируется 60-ми — серединой 90-х гг. XII в., а внестратиграфически — последней четвертью XII — первой четвертью XIII в. Таким образом, грамота практически современна грамоте № 1072.

Приведём текст полностью:

+ А заплачно на бьль п(о)ло пата дьсать и двь ногать моа. А Борись заплатилъ сороко гривно и 4 гривнь и п(о)ло шьсть куонь. А бьль вохой 3 тысячъ и п(о)ло трьтиа сорочка бь...

Перевод: 'А заплачено за беличьи шкурки моих сорок пять (*подразумевается*: гривен) и две ногаты. А Борис заплатил сорок четыре гривны и пять с половиной кун. А всего беличьих шкурок три тысячи и два с половиной сорочка без ... [такого-то числа]'.
В издании грамота охарактеризована как «до-

кумент чрезвычайной финансовой важности: речь идёт об одной из самых больших денежных сумм, упоминаемых в берестяных грамотах. За 3 100 (видимо, без нескольких единиц) беличьих шкурок заплачено 89 гривен + 2 ногаты (= 2,5 куны) + 5,5 куны = 2 233 куны (по счёту 1 гривна = 25 кун). Цена одной шкурки составляла, тем самым, около 0,72 куны»³⁸.

При соотношении «280 белок на гривну серебра» и куне, равной $\frac{1}{200}$ гривны серебра (именно столько, согласно нашим выкладкам, должна была весить куна в конце XII — начале XIII в.), цена одной беличьей шкурки составляет 0,714 куны, отличающаяся от цены, вычисляемой из грамоты № 1021, менее чем на сотую долю куны. Степень этого совпадения такова, что позволяет уверенно утверждать: «семница» грамоты № 1072 — это семь сорочков беличьих шкурок.

Этот вывод дополнительно подтверждается грамотой № 1045, также происходящей с усадьбы Ж Троицкого раскопа, но датируемой второй четвертью — серединой XII в. Письмо от Луки и Микуды к Сновиду начинается сообщением: «Не копила ти есевь ницего же: заволъцескаа бела 8 гривенъ», 'Мы (двое) не купили ничего: заволочская белка (беличья пушнина) — 8 гривен'³⁹. При публикации грамоты не был поставлен вопрос: за какое количество беличьих шкурок в Заволочье берут 8 гривен? Между тем, очевидно, что это не может быть цена ни за тысячу (тогда бы одна белка стоила 0,2 куны, что слишком мало), ни за сотню, ни за сорочок (тогда цена шкурки была бы соответственно 2 и 5 кун, что слишком много). Если же допустить, что цена указана за семь сорочков, стоимость шкурки оказывается той же, что и в грамоте № 1072 — 0,714 куны. При куне, равной $\frac{1}{200}$ гривны серебра, серебряный эквивалент этой величины составляет 0,73 г.

Таким образом мы, во-первых, получаем важное подтверждение того, что и в середине, и в конце XII в. соотношение гривны серебра и гривны кун в Новгороде было 8 : 1. Во-вторых, выясняется нетривиальное обстоятельство: на протяжении полувека цена на беличий мех в Новгороде оставалась стандартной — гривна серебра или восемь гривен кун за семь сорочков. Реальная цена могла, видимо, несколько отклоняться от этого стандарта — иначе 8 гривен не показались бы слишком дорогой ценой Луке и Микуде, а неизвестный нам по имени патрон Якима на пару с Борисом не заплатили бы за 3 100 шкурок примерно на 20 кун больше, чем если бы покупка совершалась по стандартной цене.

Несложно понять, почему стандартная цена белки указывалась именно за семницу, а не за сорочок. Последний должен был стоить $\frac{1}{7}$ гривны серебра, то есть 200 : 7 = 28,57 куны или, округляя, 1 гривну и 3,5 куны. В отличие от этой нерациональной величины, формулировка «гривна серебра за семницу» обладает мнемонической выразительностью, вполне подходящей для ценовой констан-

ты⁴⁰. Если допустить, что то же соотношение имело место и в XI в., то при гривне Краткой Правды, равной $\frac{1}{4}$ гривны серебра, можно наблюдать ещё одно не менее выразительное соотношение: «гривна кун за 70 белок». В эту эпоху счёт беличьих шкурок находился в «семеричном» соотношении и с гривной серебра, и с гривной кун.

Установив, таким образом, значение слова *семница* в грамоте № 1072, присмотримся внимательнее к грамоте № 218 (сер. — 3 четв. XIII в.), в которой, как мы ранее предположили, этим словом обозначается сумма в 7 резан.

+ ✂ **Шсипа 2 гривне на тѣске, по 10 и полоть почты. Воилы 6 гривень по 5 бело и полоть почты и четверть пшенице, а лоньского намо недоплатило 8 ногато. ✂ Манзиле ✂ кѣма поло четвер(ти) - - - - - Жюпанка перешло, по семнице наме, кроме почте. ✂ Некраса гривна. ✂ Дмит(ра) ...**

Перевод: 'У Осипа туски две гривны, [процент] по 10 (вероятно, резан), и полоть почества. У Воилы 6 гривен, [процент] по 5 бел, полоть почества и четверть пшеницы; а прошлогодних процентов он недоплатил 8 ногат. У кума Мануйлы полчетверти ... (вероятно, пшеницы) [от (или: на)] Жупанка перешло, процент по семнице, не считая почества. У Некраса гривна. У Дмитра ...'⁴¹

Предположение видеть в семнице 7 резан хорошо согласуется с переводом А.А. Зализняка, согласно которому норма процента «по 10» также предполагает резаны. В пользу этого говорит, казалось бы, и то, что 10 резан на гривну (20 %) — стандартная для Новгорода процентная ставка⁴². Странно, однако, что единственный раз, когда единица взимания процентов указана эксплицитно, ею оказывается не резана, а бела. В написанной тем же почерком грамоте № 215 процент трижды указан в резанах. Не следует ли думать, что и в грамоте № 218 он тоже указан все три раза в одних единицах — белах? Но что такое бела в XIII в.? Это не может быть та бела, которую мы знаем по источникам конца XIV — XV в., — составлявшая, по разным данным, $\frac{1}{91}$ или $\frac{1}{100}$ рубля (см. ниже), то есть около 2 г серебра. Десять таких бел составляли бы от гривны в $\frac{1}{8}$ гривны серебра около 75 %. Но что если бела в этом документе — та же величина в 0,714 куны, которая была стандартом цены беличьей шкурки в XII в.? Тогда мы получаем следующие соотношения. 7 таких бел равняются 5 кунам ($0,71 \times 7 = 4,998$), давая, в расчёте на гривну, ту же стандартную норму процента (20 %), что и 10 резан. По отношению к этой норме ставка в 5 бел является пониженной (это те же «гуманные» 14 %, что и 7 резан), а ставка 10 бел на гривну — высокой (29 %), но также вполне реальной (чуть меньше ставки 6 ногат на гривну (30 %), упоминаемой в грамоте № 410⁴³).

То же значение 'семь белок' может быть приписано слову *семница* в грамотах № 349 и 355. В первой *семница*, заплаченная за рыбы, упоминается рядом с эквивалентными ей 5 кунами за рыбы

внутренности (*на рыбахо семница, а на церавахо :е: коуно*); во второй долг в шесть *семниц* (= 30 кун = гривна и 5 кун) назван между долгами в одну и три гривны.

В пользу такого понимания *семницы* в трёх названных документах говорит и следующее. В связанных с Новгородом ганзейских документах XV в. среди разновидностей белки многократно упоминаются *trojenissen u dojenissen*, то есть *тройницы и двойницы* — шкурки невысокого качества, сшитые по две и по три (имеется и общий термин для таких сшитых шкурок — *shevenissen [шевницы]*⁴⁴). Эти образования явно принадлежат тому же ряду, что и *семница*⁴⁵.

Надо думать, что в отличие от двойниц и тройниц семь шкурок получили особое обозначение не потому, что сшивались вместе, но в силу нумерологической значимости самого числа 7. В этом смысле показательна грамота № 355, упоминающая *шесть семниц*: очевидно, шкурки могли считаться семёрками, подобно тому, как они считались сороками. Сочетание *семь сороков* возникает на пересечении эти двух моделей, в силу чего, по-видимому, за ним и закрепляется то значение крупной меры меховых ценностей, которое мы наблюдали в уже рассмотренных примерах. Добавим к ним ещё одно красноречивое свидетельство. В грамоте 1586 г. царя Федора Ивановича сибирским воеводам об обложении данью князя Лугуя говорится: «[В]елели с него имать по нашему царскому жалованию с его городков в Вымской земле наши дани на год *по 7 сороков соболей лутчих*, и привозить ему дань ежегод в Вымь самому, или его братье или племянником, *по 7-ми соболей лучших*»⁴⁶. Здесь перед нами сразу две *семницы* — «большая» (7 × 40) и «малая» (7).

Преимущество изложенного понимания «*семницы*» по сравнению с предложенным нами ранее очевидно: оно позволяет считать, что слово во всех его фиксациях относится к меху, называя в одних случаях семь (беличьих) шкурок, а в других — семь сороков. Система счёта меховых ценностей оказывается таким образом в целом противопоставлена гривенно-кунному счёту ассигнаций. Указания в белах процента с гривны, как и другие упоминания бел в одном ряду с гривнами и кунами, не делают белу фракцией гривны в том смысле, в каком ею является куна. Гривна, куна и резана, с одной стороны, и бела, *семница* и *сорочок*, с другой — это единицы разных систем, которые, однако, будучи соотносимы через стоимость тех и других в серебре, могут комбинироваться (см., например, в № 410: «у По-[ь]шь 18 было и 2 гривень куно, у Козьла 5 бело и поло гривень»⁴⁷). По своей смысловой структуре такие комбинации необходимо отличать от сочетаний типа «5 кун и гривна», в которых соединяются элементы одной системы.

Вернёмся теперь к соотношению «гривна серебра за *семницу* (семь сороков белки)», которое,

как мы видели, предстаёт в качестве ценовой константы своего времени. Постоянство этой цены не может не удивлять, но вместе с тем выглядит естественным для ситуации, в которой мех был не только товаром, но и валютой, используясь в качестве платёжного средства. Устойчивость «курса» этой валюты по отношению к серебру должна была каким-то образом сочетаться с неизбежным колебанием цен в зависимости от сезона, качества меха и проч. Ниже мы ещё вернёмся к этому вопросу. Пока же заметим, что такими же неслучайными, как и цена на белку, оказываются при ближайшем рассмотрении и другие цены на меха, упоминаемые в древнерусских источниках. Из берестяной грамоты № 420 (сер. XIII в.) мы узнаем цену бобровых шкур: «продать есмь сорокъ бобровъ Милате на десяти гривнъ сьрѣбра»⁴⁸. Трудно представить себе, чтобы такая цена (в переводе на деньги Русской Правды бобр стоил гривну кун) была случайным порождением меняющей рыночной конъюнктуры. Не менее показательна и уже упомянутая киевская надпись о покупке Бояновой земли. Купившая землю княгиня Всеволожая «въдала на нѣи семь десать гривнъ соболии, а въ томъ драницъ семь сътъ гривнъ»⁴⁹. А.В. Назаренко трактует гривну соболей как сорок собольих шкурок (учитывая счёт мехов сороками, это кажется более чем вероятным), а гривну драниц отождествляет с юнорусской гривной-сорочком XI в. (81,86 г серебра)⁵⁰. Если так, то гривна соболей равнялась 5 киевским или 4 новгородским гривнам серебра. Впрочем, и независимо от серебряного содержания гривны драниц соотношение «сорочок соболей = 10 гривен драниц» явно принадлежит к тому же типу ценовых констант, что и соотношение «сорочок бобров = 10 гривен серебра».

В этот же ряд попадает и цена лисиц, извлекаемая из приписки «А се погородие» к уставной грамоте Смоленской епископии (1136 г.)⁵¹. За лисицу давали 5 ногат, соответственно, сорок лисиц стоили 200 ногат или 10 гривен Русской Правды. Выводимое из грамоты № 1072 соотношение «семь сорочков (семница) белки = гривна серебра» выглядит на этом фоне отражением общего образования стандартных цен на меха.

Своё место в этой системе стандартов должна была занимать и цена куницы. Для неё мы не располагаем данными, подобными только что приведённым. Но роль свидетельства в этом случае выполняет название куны как денежной единицы, которое, согласно наиболее вероятной этимологии, объясняется тем, что за эту единицу был в своё время принят серебряный эквивалент стоимости куницы. Так, согласно построению А.В. Назаренко, первоначальная, «тяжёлая» куна — это «стоимость в серебре шкурки куницы (ходового экспортного товара), равнявшаяся 1 скандинавскому эртугу; в марке-гривне серебра насчитывалось 2 таких куны, в полуфунте-гривне серебра — 25 (50 на фунт)»⁵².

Поскольку же фунт находился в отношении 5 : 4 к византийской литре, последняя также оказалась кратна первоначальной куне, соответствуя стоимости 40 куниц. Другие авторы вычисляли стоимость куницы иначе, но, как бы то ни было, ясно, что в момент возникновения «куны» как единицы денежного счёта на цену куницы существовал определённый стандарт. В дальнейшем величина куны была абстрагирована от стоимости шкурки куницы, оставшись, однако, в рациональном отношении к гривне серебра (о чём см. выше). Если бы серебряный эквивалент куницы оставался неизменным с IX по XII в., то стандартная цена одной шкурки в кунах всегда равнялась бы отношению гривны серебра к гривне кун. То есть при счёте 4 гривны кун на гривну серебра куница стоила бы 4 куны и т. д. В XII в., при стандартной цене белки 0,714 куны, куница стоила бы 8 кун, в 11,2 раз дороже белки. Это вполне сопоставимо с тем положением дел, какое, по данным М.П. Лесникова, имело место в начале XIV в. на рынках Ганзы: «куница стоила примерно в 8 раз дороже, чем лучший сорт белки»⁵³.

Последнее соотношение, между тем, радикально расходится со сведениями, которые со ссылкой на сообщение А.Л. Хорошкевич приводит А.В. Назаренко. Согласно им, «на рынке фламандского города Брюгге в начале XV в. цены на русские меха составляли: белка (за 1000 штук) — ок. 10 фунтов, куница (за одну шкурку) ок. 50 шиллингов <...>. Зная, что в 1 фунте 20 шиллингов, получаем стоимость белки ок. 0,2 шиллинга, т. е. куница оказывается в 250 раз дороже белки»⁵⁴. Однако при цене за шкурку 50 шиллингов (2,5 фунта) куница была бы в 20 раз дороже соболя, стоившего, по данным М.П. Лесникова, ок. 5 ливров (фунтов) за сорок шкурок. Происхождение ошибки очевидно: цена 50 шиллингов относится не к одной шкурке, а к сорока. В самом деле, цитируемая тем же М.П. Лесниковым запись купца из Брюгге Гильдебранда Фекигузена гласит: «33 куницы, тиммер (сорок — А.Г.) стоил два с половиной ливра»⁵⁵. К сожалению, эта ошибка делает несостоятельными все выкладки А.В. Назаренко, относящиеся к *векше*, которую исследователь, отождествляя её исходную стоимость с ценой беличьей шкурки, считает наиболее мелкой единицей гривенного счёта, равной $\frac{1}{60}$ куны.

Настоящей ценой *векши* XI–XII вв. следует, в свете уже сказанного, считать всё ту же стандартную величину в $\frac{1}{280}$ гривны серебра (0,73 г). В берестяных грамотах *вѣкша* и *бѣлка/бѣла* находятся в почти строго дополнительном распределении как ранне- и позднерусский термины, с небольшой зоной пересечения в первой четверти XIII в. (при этом *бѣла* как собирательное понятие употребляется и в ранний период)⁵⁶. Такое чисто языковое «превращение» *векши* в белку создаёт иллюзию появления в XIII в. новой денежной единицы, однако в действительности *векша* и *бѣла* представляют

собой одну единицу на разных этапах её истории.

В эпоху Краткой Правды векша по своему серебряному эквиваленту была легче резаны ($\frac{1}{200}$ гривны серебра), в самом деле являясь минимальным номиналом древнерусской денежной системы. Но – повторим сказанное выше про белу – она при этом не образовывала фракции гривны (с которой, впрочем, находилась в характерном «семеричном» соотношении 1 : 70) и принадлежала системе счёта собственно меховых ценностей. По этой причине после девальвации гривны до $\frac{1}{8}$, куны до $\frac{1}{200}$, а резаны до $\frac{1}{400}$ гривны серебра векша сохранила прежний вес, обогнав, таким образом, резану и приблизившись к куне. На следующем витке девальвации, при гривне в $\frac{1}{16}$ гривны серебра, белка/бела обогнала уже куну, ставшую равной $\frac{1}{400}$ гривны серебра. И тут её ожидало серьёзное преобразование.

Как уже было сказано, на рубеже XIV/XV вв. мы находим под этим названием явно другую «белу». На рубль (тождественный по весу гривне серебра) приходится в это время уже не 280, а всего 100 бел. Это соотношение отражено купчей Михайло-Архангельского монастыря: «А дали на тои половине села семь рублевъ, а по сту бъл за рубль»⁵⁷. Другой подсчёт даёт в рубле этого времени 91 белу. Он опирается, с одной стороны, на равенство белы $\frac{1}{7}$ гривны, извлекаемое из Писцовой книги Вотской пятины⁵⁸, а с другой – на запись кеннингсбергского гроссшаффера 1399 г., согласно которой рубль заключал в себе 13 (!) гривен, а гривна – 28 кун или мордок⁵⁹. Так или иначе, мы имеем дело с единицей, превышающей стоимость белки в XII-XIII вв. почти в три раза. Замечательно, однако, следующее: гривна, по отношению к которой эта «тяжёлая бела» (назовем её так по аналогии с «тяжёлой куной» А.В. Назаренко) составляла $\frac{1}{7}$, складывалась не из 25, а из 28 единиц. Представляется, что В.Л. Янин был совершенно прав, сопоставляя такую белу с новой системой денежного счёта, построенной на семеричном основании и каким-то образом связанной с «семницей» берестяных грамот⁶⁰. Природу этой связи исследователь, однако, определил неверно, пойдя по следу фиктивной «гривны из 7 ногат» и отождествив ногату с белой. Теперь же, разгадав, как нам кажется, загадку «семницы», мы получаем ключ и к происхождению гривны XV в., построенной по формуле: «гривна = 28 кунам = 7 белам». Радикально расходясь с традиционным гривенным счётом и не находя никаких параллелей в устройстве современных европейских денежных систем⁶¹, эта модель ближайшим образом напоминает устройство «большой» семницы, представляющей собой 280 беличьих шкурок – 7 раз по 40. Можно сказать, что на смену эквивалентности «большой» семницы (7 сорочков) гривне серебра пришла эквивалентность «малой» семницы (7 белок) гривне кун. Новое соотношение было достигнуто путём изменений, произведённых как в системе гривенного счёта (переход с пятеричной

структуры на семеричную), так и в системе счёта мехов (значительное увеличение стандартной цены белки).

Из факта появления «тяжёлой» белы (вес которой, исходя из соотношения «100 бел на рубль», можно счесть равным примерно 2 г серебра) не следует, что цены на беличий мех выросли более чем вдвое. Дело, вероятно, в другом. Нужно заметить, что оба варианта стандартной цены беличьей шкурки находятся в пределах, в которых колебалась цена белки на ганзейском рынке начала XV в. (от 2,25 до 10 фунтов за тысячу, что, при примерном [с точностью до 2-3%] равенстве фламандского фунта новгородскому рублю, на которое указывает М.П. Лесников, соответствует колебаниям от 0,5 г до 2 г серебра за шкурку). Как видим, стандартная цена белки в ранний период близка к нижней границе этого интервала, тогда как поздний стандарт, «тяжёлая бела», совпадает с верхним пределом. Это, полагаем, может означать только одно: за новый стандарт была принята цена беличьего меха самого лучшего сорта (возможно, того, который в ганзейских документах носит название *schönewerk*). Что же касается раннего стандарта, то он, очевидно, был ориентирован на мех довольно низкого качества. Из ганзейской номенклатуры хорошо подходят уже упомянутые *troinissen* (тройницы). Они шли примерно по той же цене, что и *schönewerk*, но, поскольку представляли собой три шкурки, сшитые вместе, цена отдельной шкурки была втрое меньшей, что примерно соответствует соотношению двух стандартов.

Прекрасную иллюстрацию того, как реально функционировала стандартная цена на мех, даёт фрагмент из торговой книги Г. Фекингузена, представляющий собой, по словам М.П. Лесникова, «единственную известную запись сделки, совершенной ганзейским купцом в стенах Великого Новгорода в конце XIV века»:

«В 1399 году 8 дней до Вербного Воскресенья получил я в Новгороде 13 штук ипрского сукна, из которых мне принадлежит 8 штук, а Рейнольду Шварте принадлежит этих сукон 5 штук. Обменял эти сукна в Новгороде и я дал их 2 штуки за стоимость одной тысячи «шеневерк». Сумма за это соответствовала стоимости шести с половиной тысяч «шеневерк». Она была дана мне «шеневерком», «харверком», «попелен» и «тройниссен», связанными по пятнадцати»⁶².

Как видно из этой записи, при заключении сделки в качестве эталонной фигурировала стоимость *schönewerk*, хотя реальным наполнением этой стоимости выступили меха разных сортов, включая и *troinissen*. Такими же эталонами, по отношению к которым рассчитывалась цена пушнины разного качества, были, по всей вероятности, и другие «меховые стандарты».

Как мы старались показать в этой работе, берестяная грамота № 1072 – исключительно ценный

документ для изучения древнерусских финансов. Вместе с другими находками последних лет (в первую очередь – грамотами № 1021 и № 1045) она проливает свет на общее устройство денежного обращения средневекового Новгорода, демонстрируя системную соотнесённость трёх его главных форм: кожаных ассигнаций (гривен кун), мехов и серебра. Обнаруживаемые при этом связи уходят корнями в эпоху зарождения древнерусского денежного счёта и, с другой стороны – образуют почву, из которой произросла оригинальная новгородская денежная система XV в. Большинство вопросов, которые пришлось затронуть по ходу нашего анализа, безусловно, заслуживают более пристального рассмотрения. В этом смысле данная работа, хотя и является уже второй попыткой интерпретации этого замечательного источника, по-прежнему носит предварительный характер. Заканчивая её, ещё раз бросим взгляд на ситуацию грамоты № 1072 в целом, какой она выглядит в итоге нашего исследования.

Автор документа выдал (или собирался выдать) шести поименованным лицам денежные средства, представленные двумя категориями ценностей: «кожаными ассигнациями» в виде связок стёршихся шкурок и белчиным мехом. Ассигнации на сумму 4 гривны кун были выданы Степану, Илье, Тимошке и Олисею; при этом Степан и Олисей получили по полторы гривны кун, а Илья и Тимошка – по полгривны. Мех, общим количеством 14 сорочков, был поровну разделён между Степаном и Ушком, каждый из которых получил по «семнице», то есть по 7 сорочков. Подвести итог, сведя выплаты двух типов к общему знаменателю, можно было, выразив их в серебре. Для меха такое выражение гарантировалось существованием ценовых стандартов, одним из которых была эквивалентность семи сороков белки гривне серебра; для ассигнаций оно опиралось на факт кратности серебряного эквивалента гривны кун золотнику как подразделению гривны серебра. В эпоху написания грамоты гривна кун соответствовала 6 золотникам, а 4 гривны кун – 24 золотникам или половине гривны серебра. Таким образом, общий итог выплат составил 2,5 гривны серебра. Автор грамоты решил, однако, отдельно подытожить первую и вторую часть и сделал это, назвав подсчитанные четыре гривны (кун) гривнами золотников, а две семницы – гривнами серебра.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00331 «Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот и надписей-граффити из раскопок 2012–2015 гг.».

² Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / Под ред. П.Г. Гайдукова. М.: Русское слово, 2014.

³ См. обобщающий обзор: Янин В. Л., Рыбина Е.А. Денежные термины в новгородских берестяных грамо-

тах // От палеолита до средневековья. Сб. научных трудов. М., 2011. С. 108–115.

⁴ Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Торопова Е.В., Степанов А.М., Кудрявцев А.А. Основные итоги работ на Козмодьянском-3 раскопе в Великом Новгороде в 2015 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2016. Вып. 30. С. 24–28.

⁵ Текст и перевод даны по предварительной публикации: Гиппиус А. А., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 12. Интерпретация грамоты в настоящей работе существенно отличается от первоначальной. Внесённые коррективы были во многом реакцией на критику нашей исходной трактовки со стороны Л.А. Бассалыго, которому, пользуясь случаем, выражаю свою признательность.

⁶ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 168

⁷ Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем... С. 193.

⁸ Монгайт А.Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1. С. 35–36.

⁹ Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. № 25. С. 61; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 206, 207.

¹⁰ Петрухин П.В. К прочтению новгородской берестяной грамоты № 490 // Славяноведение. 2017. № 2. С. 97, 98. О том, что кожаные «ассигнации» были в рассматриваемый период главной формой существования «гривен кун», см. также в ст. П.С. Стефановича в настоящем сборнике.

¹¹ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С.54.

¹² Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 474.

¹³ Толочко А. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Київ, 2009. С. 26–36.

¹⁴ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 159.

¹⁵ Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем... С. 309–310.

¹⁶ Там же. С. 305–307, 310.

¹⁷ Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подгот. к печ. Т.А. Сумникова, В.В. Лопатин; под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963. С. 36, 40, 46.

¹⁸ См., например: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 118–120.

¹⁹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 474.

²⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 148.

²¹ Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 316, 341, 391.

²² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях... С. 199.

²³ Гиппиус А. А., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 14–15.

²⁴ Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем... С. 345, 346.

²⁵ Леймус И. О некоторых русских денежных понятиях, употребляемых среди ганзейского купечества в Ливонии и Новгороде // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2015. № 1(17). С. 182–185.

²⁶ См.: Кауфман И.И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. СПб., 1906. С. 60.

²⁷ Леймус И. О некоторых русских денежных понятиях... С. 182.

²⁸ Там же. С. 182.

²⁹ Там же. С. 183.

³⁰ В этой связи представляют интерес разбираемые Н.П. Бауером данные о довольстве священника двора св. Петра, приводимые в разных редакциях Новгородской скры. В дополнениях к первой и второй редакциям, появившихся между 1307 и 1325 гг., священнику назначается жалования $\frac{1}{2}$ фердинга в неделю; в III редакции 1325 г. – 8 золотников; в IV редакции 1361 г. – один фердинг, в V редакции 1392 г. – 15 золотников. Приравнивая 8 золотников к $\frac{1}{48}$ фердинга, а 15 золотников – к фердингу, Н.П. Бауер заключает, что на марку серебра в начале XIV в. считали 64 золотника, а в конце столетия – 60 золотников (Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем... С. 344, 345). Он связывает это с понижением веса новгородского рубля со 197 до 184 г, которое относит к 80-м гг. XIV в. Однако, поскольку деление рубля на 60 золотников отражается уже документом 1331 г., дело может быть в другом. Нельзя не учитывать, что в IV редакции скры жалование священника возросло вдвое по сравнению с первоначальным. Поэтому и 8 золотников, указанных в III редакции, могут быть суммой, большей чем $\frac{1}{2}$ фердинга. Допустив, что золотник в 1325 г. был ещё $\frac{1}{48}$ частью рубля, мы получаем плавный рост довольствия священника: до 1325 г. – $\frac{1}{8}$ марки серебра, в 1325 г. – $\frac{1}{6}$ марки, в 1361 г. – $\frac{1}{4}$ марки серебра. В таком случае введение нового, «малого» золотника в $\frac{1}{60}$ рубля следовало бы отнести ко времени между 1325 и 1331 г.

³¹ Янин В.Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1970. Т. III. С. 166.

³² Янин В. Л., Рыбина Е.А. Денежные термины в новгородских берестяных грамотах... С. 112.

³³ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 797.

³⁴ Гиппиус А. А., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. ... С. 13.

³⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 474. В поучении, дошедшем в составе Дубенского сборника XVI в., процент «по три куны на гривну или по семи разань» упоминается как «легкий» (Срезневский И.И. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках. СПб., 1874. С. 307; Ключевский В.О. Боярская дума в древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902. С. 184.)

³⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Наука, 1950. С. 71, 279.

³⁷ Заметим, что в уже упомянутом известии статьи 1230 г. НПЛ чтению старшего извода «по гривне се-

ребра» соответствует в младшем изводе не «по семи гривен», а «по семи гривенъ и побольши», что вполне объяснимо исходя из гривны серебра в 8 гривен кун.

³⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. С. 118, 119.

³⁹ Там же. С. 142, 143.

⁴⁰ Как мера большого количества наиболее ценного пушного товара – 7 сороков соболей нередко встречаются в документах XVI–XVII вв. Приведем лишь один особенно показательный пример. В 1625 г. из Новгорода в Стокгольм были отправлены для покупки меди три группы торговых людей. Медь предполагалось покупать за золотые и ефимки, которые надлежало получить в Ливонии, обменяв на них соболей. С первой и второй группой было послано по 7 сороков соболей; с третьей группой – 35 сороков соболей, то есть 5 раз по 7 сороков. (Манькова И.Л. Из истории становления российско-шведских торговых отношений в 1620-е гг. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. Вып. V. С. 11, 12). Как видим, единицей распределения меха выступает здесь именно семница; явно неслучайно и то, что общее число посланных соболей составляло 49 сороков, то есть 7 семниц.

⁴¹ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 487.

⁴² Кучкин В.А. Кредитование в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. РАН В.Т. Пашуто. М., 2013. С. 174–179.

⁴³ Выражение нормы процента в белых можно предполагать и для грамоты № 45 (1 пол. XIV в.): «Се соцетеса Бобро со Семеномо: на поло теретеа рубля на 3 годы поло цтевертынатца гривно» ('Вот счелся Бобр с Семеном: на два с половиной рубля за 3 года [процентов] тринадцать с половиной гривен'). Как заметил Л.А. Бассальго (письменное сообщение от 02.02.2017 г.), «если считать стандартный процент (20%), т. е. 0,5 руб. с 2,5 руб. в год, то получим 0,5 руб. = 4,5 гривны, и следовательно, 1 руб. = 9 гривен». Однако указанное соотношение находит объяснение и при гривне в $\frac{1}{8}$ рубля. В таком случае кредитная ставка составляет $13,5 : (2,5 \times 8) = 22,5\%$. Это не что иное, как 8 бел на гривну ($8 : 35 = 0,228$).

⁴⁴ Лесников М.П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV века // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. VIII. 1948. С. 67–69. Е.Р. Сквайрс и С.Н. Фердинанд (Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 133) предполагают в качестве русского источника этих заимствований существительное мужского рода *троиничь*, ссылаясь при этом, вслед за М.Н. Бережковым (О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879. С. 173), на следующий контекст из новгородской грамоты 1439 г. в Ругодив: «взяльвашь брать Иванъ у Кузмъ у Ларивоновича товарь на Ругодива, соболи, и троиничи, и камъки» (LECUB, 9, № 677). Однако, как нам уже приходилось отмечать (Гиппиус А.А. О книге: Е.Р. Сквайрс, С.Н. Фердинанд. Ганза и Новгород: Языковые аспекты истори-

ческих контактов. Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2002. № (10). С. 117), *троиничи* в этом контексте следует трактовать как вин. мн. от троиница, с заменой *ц* на *ч*, представленной в той же грамоте и строкой ниже (*пшеничи*).

⁴⁵ Специально оговорим, что *троиница* и *двойница*, хотя и образованы от основ собирательных числительных, представляют собой точную параллель к *семница*, так как названия этих чисел образовывали суффиксальные производные только от основ *двой-* и *трой-*. (Это соображение принадлежит А.А. Зализняку).

⁴⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 88–89. № 54.

⁴⁷ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект... С. 508.

⁴⁸ *Арциховский А. В., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 28.

⁴⁹ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской... С. 61.

⁵⁰ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях... С. 206–208.

⁵¹ Смоленские грамоты... С. 79; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях... С. 159.

⁵² *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях... С. 159.

⁵³ *Лесников М.П.* Ганзейская торговля пушниной... С. 81.

⁵⁴ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях... С. 197.

⁵⁵ *Лесников М.П.* Ганзейская торговля пушниной... С. 81–82.

⁵⁶ См.: *Зализняк А.А.* Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // *Янин В. Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. С. 278.

⁵⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л. 1949. С. 182. № 123. См. также: *Бауер Н.П.* История древнерусских денежных систем... С. 323.

⁵⁸ «...за двадцать белъ гривна и шесть денегъ» (Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 г. (2-я половина) / Сообщен. М.А. Оболенским // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851. С. 457).

⁵⁹ «Item so machen czu Grosen Nawgarten 13 markschin 1 stucke silbers und 28 marthouÛbte machen do 1 markschin» (Handelsrechnungen des Deutschen Ordens / Hrsg. von C. Sattler. Leipzig, 1887. S. 173). См. также: *Хорошкевич А.Л.* Иностранное свидетельство 1399 г. о Новгородской денежной системе // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 302–307; *Леймус И.* О некоторых русских денежных понятиях... С. 186.

⁶⁰ «[[П]ереход к употреблению счета на 7 и построение на его основе новой структуры гривны следует признать коренным видоизменением новгородской гривны» (*Янин В.Л.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в... С. 164).

⁶¹ *Леймус И.* О некоторых русских денежных понятиях... С. 187.

⁶² «Int jar XCIX VIII daghevor Palmen do untfenchic to Noverden XIII ypersch laken desse horden my to VIII laken, It. so horden Reynolde Swarte to der laken, V. It. vorbut desse laken to Norden unde ic gaf er twen ume dey werde van I M scones werkes dey summa hu vor werden dey werde van VI JM scones werkes dyt was an scone werkeunde an harwerke unde popelen unde tronissen by XV bunden» (*Лесников М.П.* Ганзейская торговля пушниной... С. 89.)